

ОН И ТЕПЕРЬ СО МНОЙ

И даже самого главного не расскажешь. Что уж теперь...

Поэтому – пунктирно.

Мой муж говорит, что я Алексея Ивановича «упапила» - это в том же смысле, что «усыновила», только наоборот: взяла в папы. Произошло это, однако, не сразу, много позднее нашей с ним первой встречи зимой 1970 г.

В том семестре он читал на нашем потоке лекции по истории педагогики. Очень сильное, надо сказать, было впечатление: на фоне каких-то вечно серых, блеклых, обветшалых физфаковских стен и, в общем, плохо одетых студентов и преподавателей – Алексей Иванович, подтянутый, всегда в прекрасном костюме, при галстукке, без всяких бумажек прекрасно говорит на тогда уже мало кому доступном хорошем, разработанном русском языке. Мы, первокурсники, в большинстве своём вовсе не намеренные посвятить жизнь педагогике, были совершенно к этой встрече не готовы. Было даже как-то неловко, словно что-то очень ценное получаешь незаслуженно, даром. Семестр пролетел быстро, впечатление осталось надолго.

В следующий раз мы встретились летом 1985 г. Физфаку Московского государственного педагогического института нужен был преподаватель педагогики на полставки, на факультете меня знали: я там уже много лет вела студенческую практику. Вот отвечавший за эту практику И.З. Гликман и привёл меня к Алексею Ивановичу в качестве потенциального ассистента кафедры. Встреча эта была совершенно формальной и мимолетной. Не думаю, что он вспомнил тогда, что была у него такая студентка, но на кафедру меня взял.

Вскоре, уже в первом семестре этого учебного года, у Алексея Ивановича появился повод об этом пожалеть. Меня поставили вести семинары по педагогике за женщиной-доцентом, читавшей, мягко выражаясь, вполне традиционный курс. На семинарах же обнаруживалось, что педагогика ставит гораздо больше вопросов, чем у лектора есть ответов. Лектора пришлось заменить. Одновременно с этими событиями на факультете обстоятельства мои сложились так, что мне пришлось менять место основной работы – и Алексей Иванович немедленно взял меня в штат кафедры. Однако в следующем семестре, уже с новым лектором, студенты снова взбунтовались. Решение, которое принял тогда Алексей

Иванович, удивило многих: он перевёл меня в старшие преподаватели и поставил читать лекции на этом потоке.

В 1988 году образовался ВНИК «Школа», куда я, конечно, сразу устремилась. Разрешение на совместительство давалось с самого верха, но Алексей Иванович возражал против того, чтобы я там работала: он хотел, чтобы я писала диссертацию. А я знала, что моё место – там, и была готова отстаивать это вплоть до ухода с кафедры. Не помню точно, как складывался разговор: крика было много, но в результате я осталась на кафедре и пошла работать во ВНИК по совместительству.

Закончить диссертацию он меня всё-таки заставил, хотя совершенно непонятно было, как со всем этим справиться: кафедра, ВНИК, я ещё и в школе тогда преподавала. А главное – настоящего, большого смысла я в этом не видела, о чём своему научному руководителю, т.е., конечно, Алексею Ивановичу, и сообщила. По телефону. Он меня выслушал, сказал, что не одобряет и сожалеет, и разговор на этом закончился. Я едва успела перевести дух, как зазвонил телефон. Без всяких предисловий и тоном, не допуская никаких возражений, а просто никакой другой реакции кроме «будет сделано!», Алексей Иванович назначил сроки подачи, обсуждения и защиты диссертации и повесил трубку. И как-то сразу стало понятно, что надо делать. Так вот он железной рукой и превратил меня за пять лет из «неостепенённого» ассистента в полного доцента с дипломом при моём пассивном противодействии.

В январе 1991 г. я ушла с его кафедры создавать свою. Он не понимал и не одобрял этого решения, но всё-таки отпустил и пожелал удачи. С ним было трудно, а без него стало ещё труднее: чего-то очень важного в жизни не хватало. Наверное, внешних рамок, сильного профессионального влияния – теперь приходилось всё решать самой.

Дела на новом месте пошли успешно, фонд Сороса поддержал предложенную нами программу переподготовки преподавателей педагогики и психологии. Мы постарались привлечь к участию в нашей программе всех первых лиц отечественной, и не только, педагогики и психологии, считая, что именно такие встречи способны стать поворотным пунктом в образовании наших слушателей. Особое место в этой структуре принадлежало Алексею Ивановичу. И сейчас ве-

село вспоминать то изумление, восторг и едва ли не испуг, с которыми участники семинара следили за баталиями между ним и В.В. Давыдовым, например.

Два года они с Лидией Ефремовной приезжали в каждый наш семинар, жили в этом безумном полустуденческом окружении и консультировали всех, кто просил о помощи. Сколько диссертаций впоследствии выросло из этих беседований – не сосчитать. Они замечательно дружили с нашими «детьми» - физфакковскими студентами, – и являли собой удивительный пример счастливого супружества-содружества, эдакое воплощение романтической юношеской мечты о том, чего в жизни не бывает. Оказалось – бывает. И для многих тогда это стало отдельным открытием, заставившим пересмотреть, а то и перевернуть собственную жизнь.

Общение наше, лишённое формальной подчинённости, стало вполне семейным: время от времени мы с мужем заезжали к ним посидеть, поговорить – провести. Но по-прежнему, как своенравный подросток в отношениях с сильным и строгим отцом, я с ним всё время спорила, что-то доказывала, изо всех сил добиваясь его одобрения или хотя бы согласия. Он не соглашался, не одобрял, но, уважая чужую волю, отпускал, разрешал пробовать, однако сердился, ругал за легкомыслие и всегда помогал. Я старалась быть ему хоть чем-нибудь полезной. Это было нелегко: пока он держался на ногах, ему всегда было «спасибо, ничего не надо».

Однажды мы заехали к ним с нашим приятелем, директором парижского лицея. Француз привез какой-то прославленный коньяк, а у Алексея Ивановича всегда была дома целая коллекция коньяков из Армении, Грузии, Дагестана, и он очень убедительно доказывал, что их непременно надо продегустировать... И они дегустировали. По дороге домой муж вёл себя вполне прилично, но, добравшись, наконец, до двери, прочно обосновался в дверном проёме и никуда уже двинуться не мог. Потом он говорил, что так напивался только три раза в жизни.

Потом семинары наши кончились, как и вообще поводы для профессионального общения, а отношения – совершенно родственные – сохранялись даже и тогда, когда мы уже были в Америке. Только вот проститься с ним я не смогла... Поэтому он и теперь со мной...